

ВЕЛИКИЕ МОГОЛЫ

Бембер Гаскойн

Потомки Чингисхана
и Тамерлана

загадки
древних
народов

Бембер Гаскойн
Великие Моголы. Потомки
Чингисхана и Тамерлана
Серия «Загадки древних народов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607795

Великие Моголы. Потомки Чингисхана и Тамерлана: ЗАО

Издательство Центрполиграф;

ISBN 978-5-9524-4842-1

Аннотация

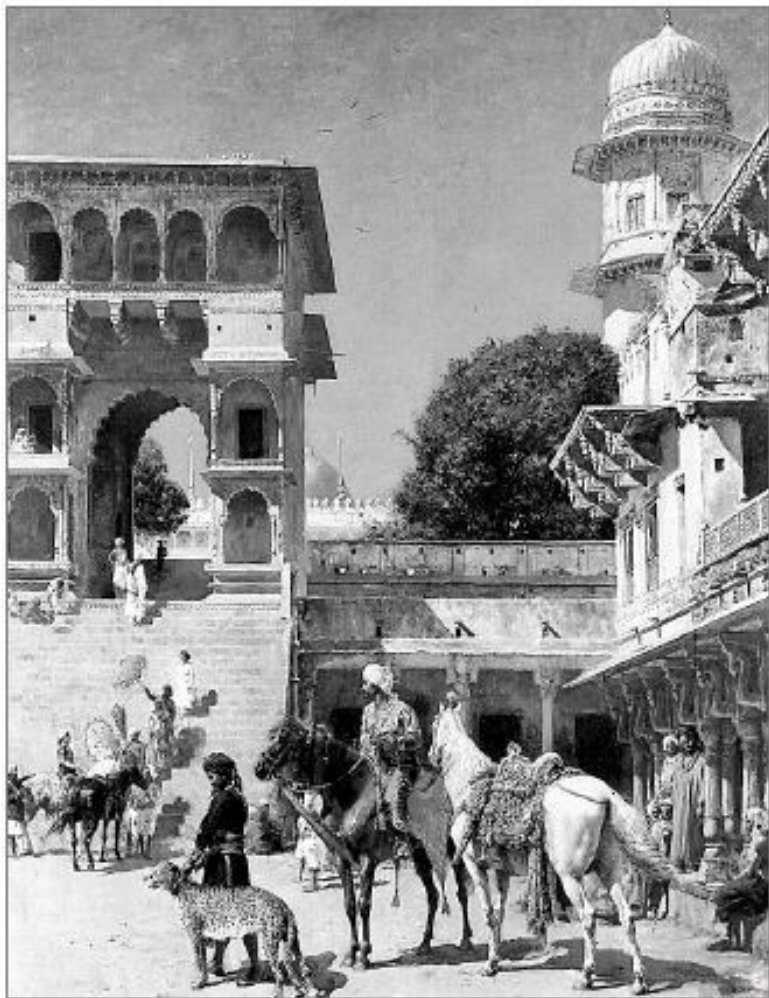
В книге подробно рассказано о династии Великих Моголов, правивших в Индии, при которых империя достигла зенита могущества. Автор, пользуясь свидетельствами хроник, дневниками властителей, записями дипломатов, увлекательно повествует о цивилизации, в которой переплелись мусульманские традиции, роскошь Персии и утонченность индийской культуры.

Содержание

Пролог	7
Бабур	16
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Бэмбер Гаскойн

**Великие Моголы. Потомки
Чингисхана и Тамерлана**

Пролог

22 сентября 1398 года войско монголов вышло на правый берег Инда – первой естественной преграды на пути в Индию после горных проходов Афганистана. Двумя днями позже был сооружен плавучий мост из лодок, и войско продолжило путь на восток.

При обычных обстоятельствах весть об этом не вызвала бы особой тревоги в Дели. Монгольские конные отряды почти два века совершали каждые несколько лет набеги на Пенджаб. Они были постоянной опасностью, но когда дело доходило до заранее подготовленной битвы, обычно терпели поражение. Как враги они являли собой обыкновенных дикарей, способных внушить ужас, но в конечном счете слабых. Поэт Амир Хосров Дехлеви¹, находившийся одно время у них в плену, писал впоследствии, что из их грубой кожи только сапоги шить, а тела их усеяны вшами, похожими на зерна кунжута, выросшего на скудной почве. Так что при обычных обстоятельствах правители Дели не приняли бы угрозу всерьез.

Однако в 1398 году обстоятельства были далеки от обычных. Во-первых, оставалось не вполне ясным, кто, собственно, правит в Дели: после смерти Фируз-шаха – за десять лет

---

¹ А м и р Х о с р о в Д е х л е в и (1253–1325) – индийский поэт, тюрк по происхождению; писал на урду, фарси и хинди. (Здесь и далее примеч. пер.)

до описываемых событий – империю раздирали междоусобные стычки претендентов на трон, и теперь его занимали две марионетки, которыми манипулировал более могущественный вельможа. А во-вторых, войско монголов вел на этот раз не кто иной, как Тимур, хромота которого принесла ему прозвание Тимур-Ленг, в дословном переводе – Железный Хромец; на Западе его называли Тамерланом.

Этому, как говорили, «наказанию Божьему» было уже шестьдесят, но даже крайне враждебно настроенный арабский автор, находившийся в то время у него в плену, утверждал, что он «был силен и крепок телом, как скала». Пятью годами раньше он взял Багдад; три года назад его орды наводнили Россию и оказались не далее чем в двух сотнях миль от Москвы. Индия не была в такой опасности с 1221 года, когда сам Чингисхан появился на том же берегу Инда. Но Чингисхан здесь и остановился.

Тимур упорно продвигался к югу и востоку, останавливаясь лишь затем, чтобы грабить города на своем пути. Немногие из них получили временную передышку ценой огромной контрибуции, но после вручения денег неизменно находился достаточный повод для повального избиения «в наказание за прошлые преступления». Суть дела заключалась в том, что в средневековой армии, находящейся далеко от родных мест, преданность солдат целиком зависела от того, найдет ли для них предводитель достаточно возможностей мародерствовать. Тимур вряд ли мог позволить себе покровитель-

ственное отношение к населению тех городов, через которые проходил. Казалось, он очень спешил достичь Дели, однако современный летописец в качестве одной из причин подобной спешки называет оставленное войском за собой «огромное множество мертвых тел, которые, разлагаясь, заражали воздух». Практически после прохода войска Тимура выживали только те, кого солдаты захватывали в качестве рабов, — для насущных нужд или с намерением продать в будущем. И таких вскоре набралось огромное множество.

Тимур подступил к Дели в начале декабря. Столица находилась в руках у Маллу-хана — он сделал своим заложником одного из марионеточных царьков, Махмуд-шаха, и правил от его имени. 12 декабря произошла стычка, во время которой разведывательный отряд, возглавляемый самим Тимуром, подвергся нападению Маллу-хана. Атака была легко отбита, но даже распространение сведений об этом случае обошлось индийцам в пятьдесят тысяч жизней. Пленные в лагере Тимура не сумели скрыть свою радость и в результате подвергли себя смертельной опасности. Тимур приказал каждому воину убить своих взрослых рабов. Дело было сделано всего за час, и даже старого богослова, который «за всю жизнь не убил и овцы», принудили участвовать в резне.

Приготовления Тимура к битве главным образом были направлены против легендарных индийских слонов: одна только мысль о предстоящем столкновении с ними приводила его воинов в состояние, близкое к панике; несколько уче-

ных, которых повелителю угодно было держать при себе, даже заявили, что во время сражения они предпочли бы находиться поближе к женщинам. Тимур приказал обнести свои позиции крепким валом и рвом и приготовить различные орудия, чтобы покалечить слонов или напугать их, вынудив повернуть вспять и растоптать своих же воинов. Тимур велел вкопать в землю стойки с тремя острыми металлическими стержнями каждая (разновидность оружия, примененного за два года до этого Баязидом при Никополе, а семнадцать лет спустя – Генрихом V при Азенкуре) и снабдить конников «ежами». Они представляли собой металлическую конструкцию из четырех заостренных стержней, скрепленных между собой таким образом, что по крайней мере один из них при падении «ежа» на землю всегда торчал вверх; всадники могли заманить слонов в погоню за собой и по пути разбрасывать эти опасные колючки. Принятые Тимуром способы запугать слонов были не менее бесхитростными. Охапки сухой травы привязали на спины множеству верблюдов и буйволов, которых собирались погнать навстречу слонам. В последнюю минуту связки травы должны были поджечь, рассчитывая, что ужас несчастных животных, мечущихся под ногами у серых гигантов, передастся последним.

Оба способа сработали. 17 декабря войско Махмуд-шаха и Маллу-хана вышло из ворот Дели: десять тысяч конников, сорок тысяч пехоты и фаланга слонов с закрепленными на бивнях обоюдоострыми мечами, которая устремилась впе-

ред, брящая броней. На спинах у слонов в особых боевых башенках находились лучники и арбалетчики, а также умельцы, использующие примитивные ракеты и приспособления для разбрасывания горячей смолы. Однако это показное индийское военное великолепие не устояло перед незамысловатой уловкой. К концу дня Махмуд-шах и Маллу-хан поспешили вернуться в город и тотчас ушли из него с противоположной стороны. Победоносный Тимур разбил лагерь под стенами города у большого водоема.

На следующий день Тимур совершил триумфальный въезд в Дели и восседал на троне, в то время как видные горожане простирались ниц у ног завоевателя, взывая к его милосердию и предлагая контрибуцию – как положено, огромную. Захваченные в сражении слоны, числом сто двадцать, продефилировали перед ним и произвели весьма благоприятное впечатление тем, что опускались на землю в позах полного смирения и испускали громкие стоны, как бы умоляя о пощаде. Были там и носороги, но, увы, неспособные к подобным лестным для самолюбия повелителя трюкам, встретили куда менее благожелательный прием.

Затем, поручив своим проповедникам войти в главную мечеть, произнести хутбу² с упоминанием его имени и совершить пятничную полуденную молитву, а казначеям приказав

---

² Х у т б а – молитва и проповедь имама-хатиба в мечети с обязательным упоминанием имени здравствующего халифа как главы всех мусульман; допустимое упоминание в хутбе имени светского правителя (после имени халифа) свидетельствовало о его значимости и независимости..

заняться сбором выкупа, Тимур удалился в свои изобильные шатры за стенами города для продолжительного торжества.

Летописцы расходятся во мнениях, каким образом все это вполне благопристойное начало обернулось массовым мародерством и сожжением Дели. Очень скоро город был объят пламенем. Простые воины нагрузились золотом и драгоценностями – раздобыть их в Индии было куда легче, чем в любой другой стране, потому что тогда, как и теперь, даже небогатые индийские женщины носили свои драгоценные украшения повседневно. Мало кто из воинов гнал перед собой два десятка новых рабов, у большинства их набиралось до пятидесяти человек и даже до сотни. Тимур между тем продолжал праздновать.

Когда тысячи пленников были собраны за стенами города, для Тимура отобрали среди них ремесленников. Он был особенно заинтересован в делийских каменщиках – их, как и слонов, отправили в Самарканд. То была неизменная практика завоевателя – после захвата богатого и красивого города отсылать искусных мастеров в свою столицу, чтобы они улучшали ее облик, ее архитектуру.

Тимур оставался еще десять дней возле Дели, взимая дань с окрестных князей, на военные походы против которых он не собирался тратить время. Потом он повел свою рать домой долгим и кружным путем, дающим максимальную возможность грабить. По сведениям одного из источников, войско было так нагружено добычей, что с трудом проходило

по четыре мили за день, но это явное преувеличение, потому что уже 19 марта, опустошив Лахор, Тимур переправился через Инд. Он пробыл в стране меньше полугода и оставил после себя разорение, еще небывалое в истории Индии. Голод стал неизбежным следствием разрушений, причиненных его войсками; моровая язва распространилась по стране из-за множества оставленных непогребенными трупов. Говорили, что в Дели два месяца не было никакого движения, даже птицы не летали над городом.

Индийские слоны и индийские каменщики благополучно добрались до Самарканда, где каменщики стали частью сообщества, которое уже включало художников, каллиграфов и архитекторов из Персии и к которому вскоре присоединились, после дальнейших походов Тимура, ткачи шелка и стеклодувы из Дамаска и серебряных дел мастера из Турции. Когда Рюи Гонсалес де Клавихо, посол из Испании, прибыл в Самарканд в 1404 году, он обнаружил здесь столь много искусных иноземных пленников, что «город оказался недостаточно велик, дабы вместить их, и просто удивительно, какое их число обитает под деревьями и в пещерах за городом». Клавихо повидал также тех самых подобострастных слонов; теперь они были выкрашены в зеленый и красный цвет и охраняли вход в великолепный сад, где кочевник Тимур, даже находясь в своей столице, предпочитал жить в шатре. Это были первые слоны, которых Клавихо, как и многие воины Тимура в Дели, увидел собственными глазами. Но Клави-

хо мог смотреть на них более спокойно, и он впоследствии снабдил своих читателей в Испании описанием, столь же замечательно простым, как рисунок ребенка: «Эти животные очень большие, и тела у них совершенно бесформенные, как плотно набитый мешок, ноги у них очень толстые, одинаковые сверху донизу».

И каменщики и слоны, вероятно, поработали в Самарканде на строительстве величественной гробницы повелителя, называемой Гур-Эмир. Ее прекрасный бирюзовый купол, созданный под влиянием персидского искусства, может считаться предтечей грядущего великолепия. Тимур велел доставить индийских мастеров в Самарканд, где они должны были следовать персидским художественным образцам, но его потомки передали персидские идеи мастерам Индии, а те, используя обе традиции, стали создавать купола более высокого стиля, заслужившие мировую известность.

После отъезда Тимура в 1399 году Дели, к счастью, сто с лишним лет не доводилось встречаться с членами его знатного рода. Когда они вернулись, то прибыли, чтобы остаться, но нравы семьи изменились. Не считая способности выигрывать сражения, представители рода унаследовали от своего жестокого предка только такие качества, как любовь к ученым и страсть украшать свою столицу. Их меценатство не было рабски подражательным, как у него, а желание создавать, для него второстепенное, у них стало едва ли не главным. Тимур стремился ужасать мир, им хотелось удивлять

его. Он принес Дели сокрушительное бедствие. Они подарили мусульманской Индии целую эпоху величайшего блеска.

Бабур

Право Бабура на признание его восточным завоевателем не нуждается в особом подтверждении: по линии отца он происходил от Тимура, по линии матери – от Чингисхана. Из этих двоих Бабур больше гордился своим родством с Тимуром, которого считал тюрком. К этому времени слово «монгол» значило то же, что «варвар», и применялось главным образом по отношению к представителям диких племен на севере и востоке Трансокси-аны³, которые все еще оставались кочевыми. По контрасту знатные представители высококультурных дворов, созданных наследниками Тимура на территориях нынешнего Афганистана и Узбекистана, предпочитали именовать себя тюрками. Бабур, вероятно, был бы потрясен, если бы узнал, что основанная им в Индии династия станет известна всему миру как Моголы – несколько видоизмененное слово «мугул», которым персы обозначали монголов.

На деле Тимур, вероятно, был монголом, хотя тюрки и монголы были так перемешаны в его краях, что пытаться провести между ними четкое различие не имеет смысла. Оба народа вышли приблизительно из одного района Монголии (так же, как и гунны), но тюрки мигрировали к западу на

---

³ Трансоксиана – латинское название земель на северном берегу нынешней Амударьи, которая в древности именовалась Оксом.

несколько столетий раньше монголов и потому раньше перешли к оседлости и стали цивилизованными. Более дикие монголы, двигаясь по их следам, сначала покорили тюрков, а потом учились у них. Сам Тимур происходил из племени тюрков-барласов, однако считается, что барласы искони были монголами, усвоившими тюрки – язык, на котором говорил и писал Бабур и который оставался вплоть до 1760 года частным языком царской семьи Моголов, особенно в тех случаях, когда требовалось вести секретные разговоры. В качестве одного из доказательств невозможности отделить в родословной Бабура тюрков от монголов можно привести следующее: барласы были ветвью тюрков-чагатаев, а эти последние обладали противоречием в самоназвании, ибо Чагатай был сыном монгола Чингисхана. Следует еще добавить, что люди нередко определяли свое происхождение в зависимости от условий и требований времени. Тимур, к примеру, больше всего хотел, чтобы его считали тесно связанным с монголами, и более всего гордился своим титулом гурагана – зятя монгольской царской семьи, – который он обрел, женившись на царевне, ведущей свое происхождение от Чингисхана. Генеалогия, высеченная на его гробнице в Самарканде, дотошно возводит его происхождение к общему с Чингисханом предку Бузанчару⁴, рожденному легендарной девой от

---

⁴ Имя это встречается в русской научно-исторической литературе в иных вариантах (Боденджар, Бодоньчар) в зависимости от соответствующего первоисточника; персонаж не везде назван предком Чингисхана.

лунного луча.

События, происходившие в течение века после смерти Тимура, побудили Бабура желать, чтобы его считали тюрком, но через сто лет успешного правления Индией его потомками, носившими титул Могол, снова стало в высшей степени модным считаться монголами. В первой половине XVII столетия приезжие из Европы полагали, что слово «могол» попросту значит «совершивший обрезание»; иначе говоря, они употребляли его по отношению ко всей правящей мусульманской верхушке без различия. Что касается тех, кто побывал в Индии позже, во второй половине того же века, то они связывали это название с белым цветом кожи и увозили с собой рассказы об индийцах из разряда слуг императора, которые женились на девушках из Кашмира в надежде, что дети их окажутся достаточно светлыми, чтобы сойти за моголов. В конце концов колесо сделало полный оборот, и в 1666 году появилось сообщение, будто императоры приняли титул Могол «во имя вящей славы династии – дабы убедить людей, что они происходят из рода Чингисхана». В конечном счете, вопреки былым возражениям Бабура, Европа признала справедливым присвоить и династии Моголов, и их правителю, богатство которого, кажется, превосходило самые дерзкие мечты буржуа Лондона и Амстердама, звание Великих Моголов.

Бабур родился 14 февраля 1483 года. Его отец Омар Шейх был правителем Ферганы, маленькой, но изобильной про-

винции на восток от Самарканда, и в 1494 году, в возрасте одиннадцати лет, юный царевич в результате поразительно-го несчастного случая сделался наследником престола. Его отец, которого Бабур описывает как «человека малого роста и полного телом, с окладистой бородой и мясистым лицом», был восторженным любителем голубей. Однажды в полуразрушенной крепости Акси тучный правитель кормил своих птиц в голубятне, устроенной на стене, окружающей дворец у самого края пропасти. Внезапно произошел обвал, и «Омар Шейх-мирза полетел вместе со своими голубями и голубятней и превратился в сокола».

Бабур оказался теперь одним из многих мелких правителей в конгломерате провинций, управляемых его дядями либо двоюродными и троюродными братьями. Все эти царевичи вели свое происхождение от Тимура. Каждый из них считал, что имеет на владения, принадлежащие их роду в последнее столетие, не меньшие права, чем любой другой. Их беспощадный общий предок завоевал земли, простирающиеся от Дели до Средиземноморья и от Персидского залива до Волги, но территория, которой владели в совокупности все его потомки, была намного меньшей. Столица Тимура Самарканд находился на самом севере этого района. В ста пятидесяти милях к западу от Самарканда была Бухара, а примерно в двух сотнях миль к востоку лежала зеленая и приятная долина Ферганы, «изобилующая зерном и плодами», как писал сам Бабур, и где, по его же словам, «фаза-

ны были такими большими и жирными, что, как утверждала молва, четверо не могли управиться с одним-единственным, приготовленным с овощами и рисом». Северная часть владений Тимуридов была известна как Трансоксиана, потому что к югу от нее протекала река Окс, ныне именуемая Амударьей и разделяющая Советский Союз и Афганистан⁵. А к югу от Окса располагались остальные владения Тимуридов, более обширные, но менее гостеприимные, чем Трансоксиана. Преодолев труднопроходимые перевалы Гиндукуша и пройдя еще двести миль, можно было попасть в Кабул, а западные склоны гор, постепенно понижаясь, переходили в иссушенные солнцем равнины, среди которых раскинулся большой и прекрасный оазис Герата. Эти земли, по размерам мало сравнимые с завоеванными Тимуром, но, тем не менее, равные по площади вместе взятым Испанией и Португалией, тимуридские царицы XVI века считали своими. Но их объединяло только убеждение, что в каждом из маленьких и неустойчивых владений трон должен занимать Тимурид. Вопрос о том, кому и на каком троне сидеть, служил постоянным поводом для военных столкновений между ними. Право принадлежало по рождению каждому, но утвердить его мог только захват.

Во владениях Тимуридов находилось несколько обнесённых стеною городов определенной силы и значимости; в каж-

---

⁵ Перевод книги Б. Гаскойна сделан по изданию 1987 г.; Советский Союз тогда еще существовал.

дом таком городе строили красивые дома с черепичными крышами и в каждом существовала процветающая купеческая прослойка. Тремя самыми крупными были Самарканд, Бухара и Герат. Тот, кто властвовал в Самарканде, Бухаре и Герате, мог установить для себя определенный образ жизни, поддерживая сельское хозяйство и ремесла. Добившись хотя бы относительной стабильности, такие правители начинали проявлять свойственную Тимуридам любовь к живописи и поэзии, архитектуре и садам. Что касается двух последних, то сады имелись везде, где жил царевич, будь то беседка или шатер. Архитектура скорее была данью покровительства религии и ученым. Тимур возводил в Самарканде гробницы, мечети и великолепные учебные заведения – медресе, но только не дворцы. В обнесенной стеной цитадели в центре города стоял дом для него, но, находясь в своей столице в промежутках между походами, Тимур, как и его придворные, предпочитал жить в одном из прекрасных садов. То же было и в Герате, который после смерти повелителя стал подлинным центром культуры Тимуридов. Царевичи-Тимуриды, по сути, оставались всего лишь наиболее цивилизованными кочевниками. Быть дома значило для них разбить лагерь в любимой и приятной обстановке.

При таких обычаях было на удивление легко отправляться в путь. Богатство царевича состояло из тех предметов, какие ему хотелось бы взять с собой в дорогу, – искусно изготовленных богатых шатров, теплых и красиво изукрашенных

ковров для пола, подголовников, обтянутых шелком и обшитых шнуром, золотых и серебряных блюд и кубков, а к тому еще прекрасных лошадей, сильных выючных животных, надежных доспехов, мечей и луков. Такие предметы роскоши, как рукописи, драгоценности, небольшие *objets d'art*⁶ и рисунки (почти всегда выполненные для включения в книги), были, по сути дела, тоже легко перевозимы. Военскую силу представляли главным образом наемники, в большинстве своем вожди малых племен с отрядами сородичей; их привлекали под знамена царевича как его знатность, так и надежда на вознаграждение и военную добычу. У каждого были собственные лошади и оружие, а верность их зависела от результатов, и они обладали примечательной склонностью менять хозяина, если это сулило более значительную выгоду. Если царевичу случалось обосноваться в процветающей местности, то свои насущные потребности и потребности своих людей в продовольствии и теплой меховой одежде он удовлетворял путем обложения соответствующей повинностью местных земледельцев. Очень часто продовольственные ресурсы пополнялись путем набегов на соседние владения и угона овец и коз, которых забивали по мере необходимости. То был мир, в котором колесо Фортуны совершало на удивление резкие и быстрые обороты. Бывали времена, когда Бабур овладевал великим Самаркандом и жил в нем, а бывало и так, что он месяцами бродяжничал, не имея прию-

---

⁶ Предметы искусства (фр.).

та, с горсткой приверженцев. Иначе говоря, внезапные перемены происходили необъяснимо, а случалось, что и необратимо. Но в рамках кочевого бытия обе крайности были всего лишь лучшим и худшим образцом такой жизни.

Из всех городов и крепостей во владениях этой семьи Самарканд, столица самого Тимура, всегда оставался в глазах его потомков самой блистательной наградой. Бабур в своей Фергане был соседом Самарканда, и в десятки и двадцатые годы его жизни им владело страстное желание овладеть этим городом. В начале его правления Бабуру представилась первая блестящая возможность сделать такую попытку. В течение полугода умерли один за другим два правителя Самарканда, разразилась гражданская война, и в 1496 году Бабур двинулся на запад с целью осадить знаменитый город. Ему было всего тринадцать лет. Под стенами города он обнаружил двоих своих двоюродных братьев, преследующих те же цели. Правда, как выяснилось, один из них всего лишь хотел умыкнуть живущую в Самарканде девушку, которую любил. Они объединили силы, но в Самарканд пришла зима, и они были вынуждены ретироваться. Только влюбленный достиг своей цели. Но на следующую весну Бабур вернулся и после семимесячной осады, в ноябре 1497 года и в возрасте четырнадцати лет, с триумфом вошел в город, так богато украшенный его знаменитым предком.

Он немедленно занялся осмотром и измерил шагами длину крепостных валов своего нового владения. Длина их ока-

залась равной десяти тысячам ярдов. Бабур посетил гробницу Тимура; он также осмотрел искусно выложенные изразцами медресе, возведенные по трем сторонам открытой площади Тимуром и его внуком Улугбеком, и знаменитую обсерваторию, в которой Улугбек сконструировал гигантский квадрант и при помощи этого квадранта составил самый полный каталог известных в то время звезд. Все эти здания дожили до наших дней и находятся на разных стадиях разрушения или реставрации, однако главным предметом интереса Бабура, как можно угадать, были чудесные сады, окружающие обнесенный стеной город. Он упоминает не менее девяти садов, некоторые из них – с красивейшими павильонами в центральной части. Одно из таких зданий было украшено фресками, изображающими победы Тимура, другое – фарфоровыми панно, вывезенными из Китая. Если прибавить к этим сокровищам культуры богатые шумные базары и «правовверных и законопослушных» горожан, то не приходится удивляться тому, насколько этот город оправдал ожидания Бабура. «Немногие города в обитаемом мире, – писал он впоследствии, – так приятны, как Самарканд».

Но радовался он своей власти всего три восхитительных месяца. Типичная цепочка событий лишила его Самарканда почти столь же быстро, сколь быстро он его завоевал. Сторонники Бабура, разочарованные малым вознаграждением в городе, который сильно обнищал в результате гражданской войны и осады, вскоре покинули его, включая, к величайше-

му удивлению и огорчению молодого правителя, и тех, кому он больше всего доверял. В то же время зная Ферганы, прослышав, что Бабур утвердился в Самарканде, решила ублажить другого царевича и вручить власть над большей частью провинции младшему сводному брату Бабура двенадцатилетнему Джахангиру. В феврале 1498 года Бабур выступил в поход с целью спасти положение, но стоило ему уйти, как он потерял Самарканд, а в Фергану прибыл слишком поздно, чтобы удержать ее. Остаток зимы он провел в маленькой крепости Худжанд – единственном месте, где он чувствовал себя в безопасности. «Это очень тяжело подействовало на меня, – писал он позже, далеко от родных мест, в своей новой империи в Индии, вспоминая о четырнадцатилетнем мальчике, чья удача едва не отвернулась от него окончательно в Трансоксиане. – Я не мог удержаться от горьких слез».

Замечательная автобиография Бабура, основанная на записях, которые он делал всю жизнь, хотя целиком книга написана большей частью в последние годы в Индии, дает живое описание того, что сам он называет «временем без престола», когда он скитался с кучкой авантюристов в поисках пропитания, средств и царства. Редко выпадает на долю человека столь утонченного ума описывать существование дикое, невероятным образом сочетающее в себе романтику и грязь жизни. Бабур рассказывает, как он и его приверженцы, числом от двух до трех сотен, использовали Худжанд в качестве базы для ночных набегов на соседние крепости и

деревни — а в этом совершенно особом регионе каждая деревня, как говорит Бабур, имела свои военные укрепления. Покинув свой лагерь в середине дня, они могли скакать верхом примерно миль сорок в каждом из возможных направлений, с расчетом совершить нападение под покровом темноты. Потом они собирали лестницы и тихонько приставляли их к стенам, в надежде, что им удастся войти незамеченными. Чаще всего их замечали, и они вынуждены были возвращаться к себе вконец измотанными и без добычи. Но случалось и так, что им удавалось пробраться в деревню тишком, и тогда они вели бой в узких улочках, орудуя мечами и стреляя из луков, пока деревня не признавала новых хозяев, а это, как правило, происходило достаточно скоро. То было грабительское существование, и смерть не считалась чем-то необычным. Возможность встречи на обратном пути с шайкой соперников была велика, и почти всегда такая встреча кончалась кровавой резней. Головы убитых отрезали и увозили, приторочив к седлу, в качестве трофеев. Замечание Бабура точно характеризует обыденность жестокости. «Ауган-Бирди вернулся ко времени завтрака, — пишет он. — Он одолел одного афганца и отрезал у него голову, но обронил ее где-то по дороге».

Когда Бабур все-таки отвоевал земли Ферганы у своего младшего брата, для него снова стала доступной более благодородная сторона жизни. Его мать и другие женщины из его семьи присоединились к Бабуру — затворничество в гареме

позволяло женщинам незаметно и в относительной безопасности перемещаться между воюющими сторонами, и после каждого переворота у них вошло в обычай дожидаться, пока их царевич снова займет престол, и затем присоединяться к нему. Теперь, поскольку ему уже исполнилось шестнадцать, его первая жена прибыла, чтобы представиться ему. Как и многие другие, она приходилась Бабуру двоюродной сестрой, и о браке их отцы условились за несколько лет до того. Бабур, по его собственному утверждению, «не был нерасположен к ней» и только из-за скромности девственника посещал суженую в ее шатре всего раз в десять или пятнадцать дней. Однако позже, пишет он, «когда даже мое первое влечение не сохранилось», срок увеличился до сорока дней, и то после приезда матери, которая докучала ему требованиями посещать девушку.

На самом деле чувство Бабура было обращено на иной объект. В более зрелые годы он строго осуждал гомосексуальные отношения в среде своих приближенных, но его первой – неразделенной – любовью был юноша из торговой лавки в лагере, и Бабур описывает это почти с той же утонченностью самоанализа, как Пруст. Он бродил при луне по садам, с непокрытой головой и босыми ногами, мечтая и сочиняя стихи, но при встрече со своей любовью, когда он, к примеру, в компании друзей сворачивал за угол и сталкивался с юношей лицом к лицу, впадал в смущение и не смел взглянуть на него. В тех редких случаях, когда юношу посылали

за чем-то к нему, положение складывалось совсем скверное: «В своей радости и возбуждении я не в силах был поблагодарить его за приход ко мне, и разве мог я упрекнуть его за то, что он уходит?» В своем дневнике Бабур подчеркивал намерение «придерживаться правды в любом случае и описывать события такими, как они происходили». И думается, он был верен своему идеалу.

К февралю 1500 года, спустя два года после того, как Бабур покинул Самарканд, он отобрал у своего брата такое количество земель Ферганы, что Джахангир пожелал заключить договор. Каждый из царевичей получал власть над половиной Ферганы, но они должны были объединить свои силы, чтобы вернуть Самарканд; как только Бабур вновь утвердит свои права на Самарканд, Фергана переходит целиком к Джахангиру. Таким образом, честь и честолюбие стали побудительными стимулами к объединению в борьбе за возвращение Самарканда. В течение столетия город много раз переходил из рук в руки, но всегда от одного Тимурида к другому. Теперь же, в том самом 1500 году, он был захвачен опасным выскочкой, чужаком, вторгшимся в гнездо Тимуридов. Его имя Шейбани-хан, и этот человек в последующие десять лет станет оказывать все возрастающее воздействие на мир Бабура. Он начинал жизнь почти так же, как Бабур, в качестве ничтожного отпрыска знатного рода, превратившегося в искателя приключений на землях к северу от Трансоксианы среди монголов и тюркских племен, известных под на-

званием узбеков, но его собственный агрессивный дух в сочетании со свирепостью его соплеменников оказывал мощный напор на соседей, и занимаемые им земли неуклонно расширялись к югу.

Бабур рассчитывал, что жители Самарканда не слишком восторженно относятся к своим новым и неумным хозяевам и что, если он войдет в город, население его поддержит. И что самое удивительное, один из его внезапных ночных бросков увенчался успехом. Шейбани-хан расположился лагерем у стен города в одном из садов, не ожидая молниеносного удара, и под покровом темноты семьдесят или восемьдесят воинов Бабура сумели приставить лестницы к городской стене напротив так называемой Пещеры Влюбленных и поднялись по ним незамеченными. Они поспешили к Бирюзовым воротам, убили стражей, топором разбили замок и отворили ворота Бабуру и остальным воинам, которых было менее двухсот. Жители города еще спали. Немногие торговцы на базаре высунули головы из дверей своих лавок, узнали Бабура и знаками дали ему понять, что молятся за него. Бабур направился напрямик к медресе Улугбека в центре города и расположил на крыше свою ставку. Сюда и поспешили влиятельные горожане выразить свое уважение, мудро признав одновременно и настоящего царевича-Тимурида и *fait accompli*⁷. Тем временем воины Бабура и городская чернь, объединив усилия, учинили резню узбеков на ули-

---

⁷ Свершившийся факт (фр.).

цах, рассчитавшись таким образом примерно с пятью сотнями недругов. Когда весть о неожиданной беде достигла лагеря Шейбани-хана, город был уже крепко-накрепко закрыт для него.

Всю зиму 1500 года Бабур находился в полной безопасности в Самарканде, но весной Шейбани-хан вернулся и осадил город. Бабур снова установил на крыше медресе свои палатки и с этой выигрышной позиции руководил военными действиями. Он сообщает, что успешно поражал отсюда цель из арбалета, когда кучка узбеков просочилась в город и попыталась овладеть его ставкой. Однако Шейбани-хан прежде всего был заинтересован в том, чтобы уморить гарнизон голодом. Люди Бабура вскоре были вынуждены питаться мясом ослов и особо запретных для мусульман собак, а лошадей пришлось перевести на диету из листьев вяза и мелко нарубленной и размоченной древесины. Все больше и больше солдат и военачальников, опять-таки включая доверенных друзей Бабура, как обнаруживалось по утрам, успевало за ночь группками по два, по три человека перемахнуть через оборонительные валы и исчезнуть. В конце концов Бабур был вынужден заключить с Шейбани-ханом «нечто вроде перемирия», по условиям которого отдавал свою старшую сестру Хан-заду в жены Узбеку, как нередко именовали воинственного хана. И однажды около полуночи Бабур со своей матерью и приверженцами ускользнули из города.

Дважды завоевавшему Самарканд Бабуру было всего во-

семнадцать лет. На этот раз удача, кажется, окончательно отвернулась от него. Он отправился навестить кое-кого из своей родни, в частности своих дядей-монголов, обитающих к северу от Ташкента, и родственники привечали его – если он не выказывал желания и не обладал возможностью согнать их с насиженных мест. Но Бабур не терпел униженного положения обедневшего гостя. При помощи дядей он снова овладел некоторой частью Ферганы, но очень скоро был лишен достигнутого под напором превосходящих сил Шейбани-хана. К 1504 году Узбек прочно обосновался в Фергане и продолжал удерживать Самарканд, а Бабур, отступая перед ним, чувствовал себя более одиноким и беспомощным, чем когда-либо. Число его сторонников упало до двух или трех сотен. В прошлом он добивался определенных успехов и с меньшим количеством людей, однако, к его великому унижению, теперь почти все они были пешими, носили крестьянскую одежду и были вооружены только палками. На весь отряд приходилось всего два шатра. Собственный шатер Бабура все еще мог служить достаточной защитой от непогоды, но он уступил его своей матери. Сам он пользовался открытым войлочным навесом, под которым мог вершить суд. «Мне приходило в голову, – писал он позднее, – что я никому бы не посоветовал бродить с горы на гору бездомным и бесприютным».

Однако число его приверженцев снова росло, постепенно и почти постоянно, – даровитого царевича чистой тиму-

ридской крови, хоть и вынужденного зимовать в обществе козьих пастухов, рано или поздно отыскивали недовольные своей участью воины, жаждущие чего-то нового, с чем можно было связать свои надежды. Бабур был более популярным вождем, чем большинство других, потому что он давно уже открыл – и отмечал это в своем дневнике, – что в этом мире непостоянной верности стойкая слава справедливости и честности стоит куда больше непрерывного обучения террору и жестокости. Но даже при том, что в результате естественного процесса силы его вновь возросли, Бабур оказался достаточно мудрым, чтобы больше не вступать в борьбу с Шейбани. Было ясно, что настало для него время искать удачу где-то еще.

По прихоти судьбы Кабул в то время был, так сказать, вакантен. Расположенный в трех сотнях миль от Ферганы, за тяжелыми горными проходами Гиндукуша, он всегда казался далеким уделом. До 1501 года им управлял один из дядей Бабура, но во время смуты, начавшейся, когда он умер, оставив в качестве единственного наследника маленького сына, некий не имеющий отношения к Тимуридам правитель из Кандагара вступил в город. Кабул имел не только то преимущество, что находился далеко от владений Шейбани, он к тому же был отделен от них горами, и Бабур, возмущенный тем, что еще одно законное владение Тимуридов досталось чужаку, мог предъявить на него твердо обоснованное право – настолько обоснованное, что, когда он, вкупе с теми сила-

ми, какие собрал по мере продвижения к югу в 1504 году, выступил в поход, узурпатор ретировался из города при одной лишь видимости сопротивления.

Таким образом, наиболее значительный поворот в жизни Бабура оказался одним из самых легких. Кабул оставался его базой до конца дней. Он стоит, окруженный каменистыми горными хребтами, вздымающимися с равнины, словно чешуйчатые спины допотопных динозавров. Ближайший к обнесенному стеной городу горный кряж был укреплен в верхней части, а у подножия его Бабур, к великой своей радости, обнаружил прекрасные сады, хорошо орошаемые источниками и каналом. В садах были отменные фрукты и мед, хорошие травы и климат, благотворный для него. Бабур впервые оказался в настоящем многонациональном мире, потому что Кабул, как и расположенный южнее Кандагар, служил важным торговым пунктом на караванных дорогах, связывающих Индию с Персией, Ираком и Турцией на западе, а на севере – через Самарканд – даже с Китаем. В Андижане, самом большом городе его родной Ферганы, все говорили на тюрки⁸; в Кабуле Бабур обнаружил по меньшей мере двенадцать разговорных языков: арабский и персидский пришли сюда с запада, хинди – с востока, тюрки и монгольский – с севера, и было в обращении еще несколько местных наречий.

---

⁸ По существу, речь идет о чагатайском языке, сложившемся на основе тюркских диалектов Средней Азии и ставшем языком богатой литературы в XV–XVI вв. В XVII в. и позже его стали называть тюрки, как и ряд других тюркских литературных языков обширного региона.

Бабур даже с некоторым благоговением сообщает, что каждый год через Кабул по дороге в Индию проходило не меньше десяти тысяч лошадей и в обратном направлении столько же. То был нескончаемый поток тканей, сахара, пряностей и рабов. Купцы ожидали прибылей в размере не менее четырехсот процентов, и притом, что часть товаров попадала в руки дорожных разбойников, а за безопасный проезд взималась пошлина, цифра эта не была чрезмерной. Округа самого Кабула была отнюдь не богатой и не могла содержать всех воинов Бабура, но он восполнял недостаток регулярными набегами на соседние земли и возвращался порой не менее чем с сотней тысяч угнанных овец.

Даже находясь в Индии и готовясь передать престол империи сыновьям, Бабур продолжал считать Кабул чем-то вроде родного дома. Здесь он чувствовал себя спокойно и был в состоянии установить культурную жизнь при дворе, что всегда было важной стороной идеала Тимуридов. Впервые отдыхая после восьми лет почти непрерывных тревог и походов, он занимался сельским хозяйством, насаждал в регионе плантации бананов и сахарного тростника и прививал любовь к садоводству, которую пронес через всю жизнь. Но при всем множестве садов, которые он насадил, любимым оставался сад на склоне холма в Кабуле. Именно здесь он и завещал похоронить себя.

Как место неожиданной стабильности в беспокойном мире двор Бабура сделался прибежищем для преследуемых ти-

муридских царевичей, отступающих перед Шейбани. Один такой изгнанник, двоюродный брат Бабура Султан Саид-хан, описывал это прибежище как «остров Кабула, который Бабар Падшах ухитрился обезопасить от неистовых потрясений, причиняемых бурями событий» и утверждал, что два с половиной года, проведенные там, были «самыми свободными от забот и печалей, чем любые другие в моей жизни... Я не страдал даже от головной боли, за исключением тех случаев, когда выпивал много вина, никогда не огорчился и не тосковал, за исключением тех случаев, когда меня одолевала тоска по локонам любимой...». Более юный двоюродный брат, Хайдар, попал в Кабул в возрасте девяти лет и тоже оказался под сильным впечатлением от тех обычаев, которых придерживался Бабур. Хайдару преподнесли богатые подарки, приличествующие мальчику его возраста: чернильницу, украшенную драгоценными камнями, табурет, инкрустированный перламутром, и азбуку. Позже Хайдар с благодарностью писал, что Бабур «всегда то ласковыми обещаниями, то суровыми угрозами побуждал меня учиться».

Хайдар писал также, что его образование включало в себя «искусство каллиграфии, чтение, сочинение стихов, умение составлять письма, рисование и украшение рукописей... такие ремесла, как вырезывание печатей, ювелирные работы, изготовление седел и доспехов, изготовление стрел, наконечников для копий и ножей... наставления в таких государственных делах, как важные соглашения, составление

планов ведения войн и набегов, а также обучение стрельбе из лука, охоте, воспитанию ловчих соколов и всему, что полезно в управлении страной».

Этот круг дает хорошее представление об удовольствиях и серьезных занятиях при дворе Тимурида, а сам Бабур теперь имел свободное время, чтобы потворствовать своему поэтическому таланту, который принес ему славу, как утверждает Хайдар, далеко не последнего поэта, пишущего на тюрки. Язык тюрки таков, что версификация на нем скорее сходна с искусством составления кроссвордов, чем с привычной для нас поэзией. Бабур, к примеру, во время одной из своих болезней развлекал себя тем, что, написав четверостишие, трансформировал его на пятьсот четыре разных способа. Короткие стихотворения Бабура рассыпаны по страницам его мемуаров, но они по большей части лишены смысла в переводе, так как опираются на глагольные конструкции, позволяющие строить такие сложные слова, по сравнению с которыми самые сложные немецкие конгломераты кажутся простыми как два плюс два. Приведем всего один пример: *biril* значит «быть отданным», *birilish* – «быть отданными друг другу», точнее, «отдаться друг другу», *birilishtur* – «заставить отдаться друг другу», *maï* означает отрицание, *dur* – настоящее время глагола, *man* – первое лицо единственного числа, а *birilishturalmaïdurman* значит «я не могу заставить их отдаться друг другу»⁹.

---

⁹ Грамматический анализ Б. Гаскойна не совсем полон, но, не вдаваясь в линг-

К этому времени существовал еще только один двор Тимуридов, более значительный, нежели двор Бабура. То был Герат, который стал городом художественной значимости при любимом сыне Тимура Шахрухе и достиг расцвета во время жизни Бабура, когда деятельность круга мастеров искусств возглавил великий Бехзад, наиболее влиятельный художник-миниатюрист как гератской, так и персидской школ. Но в 1507 году Герат пал под натиском Шейбани-хана, всего через несколько месяцев после того, как Бабур посетил своих прославленных родственников и провел сорок счастливых дней, осматривая возведенные ими великолепные постройки. Первая, о которой он упоминает, это Газурга, где он, разумеется, главным образом хотел увидеть прекрасные мраморные надгробия многих Тимуридов, своих сородичей, в большой нише в дальнем конце внутреннего двора, полного мира и покоя. Захват Герата Шейбани-ханом поставил Бабура в почетное, но и нелегкое положение единственного Тимурида, восседающего на достойном уважения троне, и он принял на себя титул падишаха, тем самым предъявляя в определенной степени справедливые права на место главы клана Тимуридов.

Казалось более чем вероятным, что Шейбани продолжит свою экспансию и, миновав горы, рано или поздно добе-

---

вистические изыскания, следует сказать, что стихи Бабура неоднократно издавались в русских переводах, вполне адекватных. Прекрасные переводы Р. Морана и Н. Гребнева занимают значительное место в антологии восточной классической поэзии «Семь семицветов Востока» (М., 1995).

рется через Кандагар к Кабулу, но, к счастью, он совершил ошибку, вступив в противоборство с могущественным шахом Исмаилом, основателем династии Сефевидов¹⁰ в Персии. Оскорбительный обмен дипломатическими подарками, во время которого Шей-бани отправил шаху деревянную плешку для сбора подаяния, а в ответ получил прялку¹¹, естественно, привел к войне. Но Шейбани встретил достойного противника, как по уровню военных ресурсов, так и по владению военной тактикой. В результате целой серии хитростей Шейбани попал в 1510 году в засаду и был загнан на скотобойню. Тело его расчленили и разослали в разные области Персии на всеобщее обозрение, а череп, оправленный в золото, был превращен в кубок, которым охотно пользовался сам шах.

Вскоре за добрыми новостями последовало возвращение к Бабуру его сестры Ханзады, вдовы Шейбани, которую шах Исмаил освободил и отправил с почетным эскортом и дорогими подарками в Кабул к брату. То был первый дипломатический контакт Бабура с Персией, и ему суждено было привести к новому и в конечном счете неприятному эпизоду его жизни. Его помыслы были все еще обращены к Самарканду,

---

¹⁰ Эта династия правила Персией (таково было до 1935 г. официальное название Ирана) с 1502-го по 1736 г.

¹¹ Отцом шаха Исмаила был шейх Сефи ад-дин Исхак, основатель дервишеского ордена сефевие (отсюда и название династии); дервиши собирали подаяние в деревянные чашки, так что символический смысл подарка ясен, как и смысл ответного дара: шах Исмаил приравнивает Шейбани к женщинам.

и вскоре стало ясно, что шах охотно помог бы ему вернуть столицу предков, но при одном чрезвычайно трудном условии: Бабур должен принять шиитский толк ислама. С самого первого века существования этой религии началось противоборство между шиитами и суннитами, или ортодоксальными мусульманами, к которым причисляли себя все Тимуриды, в том числе и Бабур. Догматический раскол восходил к несогласию, возникшему в годы после смерти Мухаммеда и касавшемуся вопроса о том, кто должен быть законным преемником пророка в качестве имама¹² и может ли этот пост быть выборным или строго ограниченным, как верили шииты, только потомками пророка через его зятя Али. В последующие столетия шиизм был особо связан с Персией, причем его распространение стало предметом как национальной, так и религиозной гордости, тем паче что новая сефевидская династия насаждала этот толк ислама с усиленным рвением, поскольку возводила свое происхождение к Мусе аль-Казиму, седьмому из двенадцати шиитских имамов. Фанатизм шаха Исмаила соответствовал его территориальным притязаниям, и шах рассчитывал воспользоваться законными правами Бабура на Самарканд как средством присоединить эту область к своей империи. В обмен на военную по-

---

¹² И м а м — глава мусульманской духовной общины. В данном контексте речь идет о верховном главе всех мусульман. Первым имамом был сам Мухаммед. Ему наследовали так называемые праведные халифы Абу-Бакр, Омар, Осман и Али. Шииты считают Али и его потомков единственными законными преемниками пророка.

мощь Бабур обязывался чеканить монету от имени Исмаила и упоминать в хутбе имя шаха, а поскольку то были два неперменных символа суверенности, Бабур, по сути дела, превращался в вассала, управляющего Самаркандом по воле персидского шаха. Но поскольку Бабуру было дозволено чеканить свою монету и упоминать свое имя в хутбе в Кабуле, он, далекий от фанатизма, видимо, решил, что ничего не теряет, возвращаясь хотя бы окольным путем в свой возлюбленный Самарканд, и принял, совершенно неразумно, условия шаха.

Бабур снова двинулся в поход на север и при помощи новых союзников первым делом выгнал узбеков из Бухары. Для жителей Трансоксианы то было актом освобождения. Любимый ими царевич, истинный Тимурид, вернулся к своему наследию. Горожане и селяне приветствовали его, и в Бухаре он весьма тактично отпустил свое персидское воинство, прежде чем совершить в октябре 1511 года торжественный въезд в Самарканд после десятилетнего отсутствия. Лавки на базарах были задрапированы золотой парчой и увешаны живописными изображениями, люди всех сословий толпились на улицах, выкрикивая приветствия. Нелепым выглядело лишь одно – сам Бабур, одетый по-шиитски, в окружении восторженных горожан-суннитов. Но в день великой радости даже это не принимали во внимание. Люди считали, что едва он благополучно воссядет на трон, то сразу сбросит с себя ненавистные и нечестивые одежды, но они обманулись

в своих ожиданиях. Двоюродный брат Бабур Хайдар, который был с ним в это время, поясняет, что Бабур считал узбеков еще слишком сильными для того, чтобы он мог с ними справиться без помощи шаха. Но он поставил себя в невыносимое положение. Бабур отказывался зайти настолько далеко, чтобы преследовать суннитов, а именно это и было угодно шаху; тем не менее, открыто проявив готовность сотрудничать с шиитами, Бабур скоро потерял поддержку населения Самарканда. В результате через восемь месяцев узбеки вновь захватили город.

Придворные историографы потомков Бабура в Индии оценивали его трижды не удавшуюся попытку удержать Самарканд как величайшее Божье благословение, а его последняя авантюра с персами, как им казалось, наконец-то изменила направление его честолюбивых устремлений – он перестал думать о севере и обратил свой взгляд на восток. Он уже предпринимал попытки проникнуть на территорию Индии через Хайберский проход с целью почувствовать себя более уверенно по отношению к Шейбани-хану; более того, Хиндустан, а в особенности Пенджаб, он считал, как и Самарканд, своим по праву. Он постоянно возвращался в мыслях к молниеносному завоеванию Индии Тимуром в 1399 году. Хизр-хан, которого Тимур оставил управлять Пенджабом в качестве своего вассала, впоследствии стал султаном Дели и основал династию Саййидов, но даже при этом он открыто подтверждал свою верность дому Тимура, отказываясь име-

новать себя шахом, а при сыне Тимура Шахрухе утверждал, что он в Индии всего лишь наместник. Этот факт представлял для Бабура особую важность, и он, уже деятельно занимаясь подготовкой к захвату Хиндустана, отправил к султану Ибрахиму в Дели посла «во имя сохранения мира» и предложил, вероятно, самый оптимистичный в истории обмен. «Я послал ему ловчего ястреба-тетеревятника, – писал Бабур в своих воспоминаниях, – и попросил у него земли, которые исстари зависели от тюрков».

Бабур не слишком спешил начинать вторжение. Он упорно продолжал укреплять свои силы в Кабуле и лично занимался – без сомнения, с той же энергией, какую отдавал в свое время младшему двоюродному брату Хайдару, – заботами об образовании собственных сыновей. Хумаюн родился в 1508 году, а двое других, Камран и Аскари, соответственно в 1509-м и в 1516-м; в 1519 году весть о рождении самого младшего дошла до Бабура, когда он совершал подготовительный поход в Хиндустан, и потому мальчик получил имя Хиндал.

Подготовительные действия Бабура включали в себя захват Кандагара, сильной крепости, важной для него с точки зрения защиты Кабула с запада в то время, когда сам он углубится в земли Хиндустана, но понадобились одно за другим еще три лета, прежде чем мощная цитадель, прикрываемая высоким горным хребтом, пала перед ним в 1522 году. Еще одной части важных приготовлений Бабура сужде-

но было стать решающей. В какое-то время между 1508-м и 1519 годами, точно сказать невозможно, поскольку его записи за это достаточно длительное время утрачены, Бабур приобрел первую партию пушек, а при пушках находился опытный артиллерист уста¹³ Али. Таким образом, Бабур извлек пользу из горького поражения, понесенного его соседом шахом Исмаилом, чья великолепная конница в 1514 году галопом понеслась на турок и была уничтожена новым оружием. Шах немедленно ввез артиллерию и турецких пушкарей для своей армии, а Бабур решил, что было бы вполне разумно последовать его примеру. Когда он возобновляет свои записи в 1519 году, уста Али уже действует на стороне Бабура в одной небольшой местной схватке, и Бабур изображает душераздирающую картину, как члены противоборствующего племени, ни разу не видевшие пушек, смеются над грохотом орудий, не выпускающих стрел, и отвечают на этот грохот непристойными жестами. В то время пушки в Индии были в ходу только на западном побережье и вели обстрел турецких и португальских кораблей, но на севере, на равнинах Хиндустана, ими не пользовались сколько-нибудь эффективно, пока Бабур не протащил их с собой по горным перевалам из Кабула. Помощь уста Али и его орудий поэтому носила столь действенный характер.

Свой пятый, и последний поход в Хиндустан Бабур начал в октябре 1525 года, двинувшись к югу и востоку с двенадцати

---

¹³ У с т а (тур.) – мастер своего дела, почетная приставка к имени собственному.

тью тысячами воинов. Как раз в это время в Делийском султанате начались беспорядки, против султана Ибрахима выступали все более многочисленные группировки, и до самого конца февраля 1526 года, когда Бабур уже далеко продвинулся в Пенджаб, он не встретил серьезного сопротивления, пока Ибрахим не выслал ему навстречу свое войско. Бабур поручил командование правым крылом армии семнадцатилетнему Хумаюну, и царевич одержал победу, захватив сотню пленных и семь или восемь слонов. «Уста Али со своими стрелками из фитильных ружей получили приказ расстрелять для острастки всех пленных, – записал Бабур. – То было первое дело Хумаюна, его первый опыт сражения и прекрасное предзнаменование». Пример, преподанный экзекуцией пленных, не был, вероятно, просто проявлением жестокости, так как Бабур обыкновенно заботился об умиротворении поверженных врагов. Суть задачи этой первой расстрельной команды, употребившей дорогостоящий порох там, где проще было бы обойтись мечом, заключалась в ином: это была деморализующая демонстрация, известие о которой непременно дошло бы до армии Ибрахима и убедило всех ее воинов в магической силе нового оружия.

Две армии сошлись лицом к лицу в Панипате в середине апреля. Силы Бабура, по-видимому, возросли до двадцати пяти тысяч человек в результате пополнения во время похода, но армия Ибрахима, как утверждают источники, насчитывала сто тысяч человек и тысячу слонов. Бабур подгото-

вил плацдарм, который в последующие годы сделался для него в Индии обычным, однако он признает, что заимствовал его из турецкой практики, – кстати, в этот же год турецкие пушки Сулеймана Великолепного пробивали путь далеко на запад, в Европу, и Турция после битвы при Могаче подчинила себе Венгрию¹⁴. Бабур приказал своим людям собрать как можно больше повозок. Набрали семьсот штук и связали их между собой сыромятными ремнями. Из-за этого ограждения уста Али и его стрелки должны были палить по вражеской коннице, как это делали турки в войне с персами в 1514 году, а тремя столетиями позже – пионеры в Северной Америке, сражаясь с индейцами. Бабуру понадобилось несколько дней, чтобы вынудить Ибрахима предпринять атаку на подготовленные позиции, и когда он 20 апреля наконец преуспел в этом, армия Ибрахима, как и планировалось, остановилась под огнем мушкетов из-за ограждения, в то время как конница Бабура осыпала ее дождем стрел с обоих флангов. Жаркая битва продолжалась до полудня, и победа осталась за Бабуром. В индийской армии погибло около двадцати тысяч человек, в том числе и сам полководец. В знак уважения к Ибрахиму Бабур распорядился похоронить его на месте битвы, и гробница его до сих пор цела в Панипате. Но в ознаменование своей победы Бабур – и это

---

¹⁴ Османская империя, как тогда называли Турцию европейцы, при Сулеймане Великолепном (правил с 1520-го по 1566 г.) достигла наибольших в своей истории размеров, захватив в числе прочих и значительные территории в Европе.

было для него типично – не возвел в Панипате еще один монумент, а велел насадить прекрасный сад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.